

АНАСТАСИЯ КНЯЗЬ

СКИТАЛЕЦ

❖ страшные сказки ❖

БЕСЫ В ТВОЕЙ ДУШЕ КУДА СТРАШНЕЕ
МОНСТРОВ В ТЕМНОТЕ

Анастасия Князь
Скиталец: Страшные сказки

«Автор»

2023

Князь А.

Скиталец: Страшные сказки / А. Князь — «Автор», 2023

Знаете ли вы легенду о Скитальце? Когда-то давно на небосводе возшло Чёрное Солнце и отравило людскую кровь. С того дня любой, кто поддастся пороку, становится монстром, более неспособным совладать с собой. Лешие и летавцы, мавки и кикиморы, волколаки и русалки — все они проклятые, бывшие когда-то людьми. «Нечистая кровь — нечистая сила, — говорят в народе. — И только Скиталец может даровать им истинную смерть». Собранные в книге истории, — это не только сказания о чудовищах. Это славянский фольклор в антураже тёмного мира. Мира, где правят монстры, некогда бывшие людьми. Не бойтесь богов — их придумали люди, и они также смертны, как и вы. Это страшные сказки про чудовищ внутри нас.

© Князь А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Бабушка Яга	8
Невидящие очи	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Князь

Скиталец: Страшные сказки

Пролог

– Мы заблудились!

Мала хныкала и упиралась, не желая идти дальше. Едва Вадим выпустил её руку, перестав тащить за собой, как она присела на корточки и тоненько завывала. Вадим недовольно цыкнул – им обоим было по двенадцать, но он уже считался мужчиной, молодым барином, а Мала всё ещё вела себя, как ребёнок. Такая себе невеста на выданье!

Они уж несколько часов пробирались через лес. Сначала шли по тропинке, но затем Вадим свернул за лакомством, что заметил на ветке осины, и потащил Малу за собой в чащобу. Шли долго, ноги стёрли да солнце уже скрылось за деревьями, а заветная цель так и не показалась. Вадим сорвал с ближайшей ветви очередной румяный, словно только-только испечённый блин и протянул его Мале. Угощение, конечно, уже остыло, но было вполне съедобным.

– На! Подкрепись. Немного осталось.

– Ты ещё засветло это говорил! – вспыхнула Мала с обиженным видом, но лакомство приняла.

– В сказках волшебство всегда затемно показывается.

– Так то в сказках! И даже там к ночи ещё и нечисть вылезает.

– Нечисть света не боится. Да и сама знаешь, нечего ей делать здесь! Бабушка этот лес оберегает, а коль совсем заблудимся, она на выручку придёт.

– Так мы уже заблудились!

– Тихо!

Вадим оборвал её причитания, вскинул руку, прислушался. Мала тоже затихла, даже носом шмыгать перестала. Только глаза распахнула во всю ширь да побелела. Но лишь сова ухала вдаль да чьи-то тёмные крылья прошелестели над головой. У Малы сердечко готово было разорваться от страха, а вот Вадим остался спокоен. Он лишь хотел отвлечь девочку, и у него это получилось. Бросив ей покровительственно: «Идём», он смело зашагал вперёд, всё дальше углубляясь в тёмный лес.

Первое время они ещё шли по пути, который указывали развешанные на ветках блины. Но к ночи сгустился туман, и Блинная тропка затерялась в нём. Когда не смогли найти поблизости ни одного угощения, тогда уж и Вадим признал, что они заблудились.

– Давай повернём назад, а? – взмолилась Мала.

– Ты трусишь, ты и иди, – отрезал Вадим, оставаясь непреклонным.

– Куда ж я одна-то пойду?

И тут в глубине леса среди пелены тумана зажёгся свет. Ребята остановились, Мала испуганно ойкнула и попятилась, но Вадим поймал её за руку и сжал её ладошку в своей.

– Давай не пойдём туда!

– Идём. – И он решительно потянул её за собой.

Свет вывел их к кромке леса, и сквозь деревья проступила опушка. В центре неё росли два высоченных широких дуба, на которых, как на опорах, стояла избушка. Тёплый свет лился из маленьких окошек, а дорогу к ней освещали огоньки. Густой туман окутывал врытые в землю факелы, скрывал их очертания, и горящее в них пламя казалось невесомым, словно застывшим в воздухе. На губах Вадима заиграла улыбка. Теперь уж и Мала сама шла за ним, замороженная дивным зрелищем. Когда они подошли к избушке и встали меж дубов, сверху, над их головами, открылся лаз, и рыжий свет полился из него. Они и охнуть не успели, как оттуда же спустилась к ним деревянная лестница, как бы приглашая подняться и погреться у тёплого очага. Только теперь Мала ощутила, что продрогла в сыром тумане.

Дети переглянулись. Вадим пожал плечами и смело поставил ногу на ступеньку. Лестница скрипела под ними, но ощущалась надёжной и крепкой.

А внутри дома их окутали тепло, убаюкивающий запах трав и сладкий аромат горячих яств. Первым, что они увидели, был широкий деревянный стол, заставленный самыми разными блюдами, от многих из которых ещё шёл горячий пар. Там нашлось бы, казалось, всё: от лесных ягод в сахаре до блинов и пирогов, и овощной похлёбки. И скрипучий, словно стволы деревьев, голос ласково молвил:

– Входите, дорогие детки. Будьте моими гостями.

Бабушка Яга

332 год Рассвета

На стол перед епархией упал набитый доверху кошель. Судя по звону, тот был полон монет, но облачённый в золотую парчу священник лишь бегло взглянул на него и поднял глаза на гостя. Крупный в плечах и ещё более крупный в боках мужчина, уже давно начавший не только лысеть, но и седеть, смотрел на него с укором. Поджав крупные губы, он держал руки на животе, заткнув за пояс большие пальцы. Епархий открыл было рот, чтобы обратиться к нему, но гость начал первым:

– Ваши Охотники ни на что не годны! Они трижды прочёсывали лес и ничего не нашли, заявили, чтобы я ещё раз проверил дома! Но я-то знаю, что он там, знаю, куда он ушёл. Я хочу нанять Скитальца.

Матвей Недолюбов – а именно так звали этого мужчину – служил наместником Теменьского уезда. К епархии, что представлял Единую Церковь в их краях, он приходил не впервой и не впервой требовал помощи. Снова и снова повторялся у них этот диалог, едва ли не дословно:

– Я уже отправил письма, – устало ответил епархий, – во все близлежащие и самые удалённые города и поселения – повсюду, где есть наши церкви. Как только его найдут, то передадут вашу просьбу и направят к нам. Я не приму деньги за его найм, пока он не явится.

– Я не за то пытаюсь вам заплатить. А за то, чтобы вы действовали быстрее! Прошла уже неделя, и если с Вадюшей что-то случится...

В дверь постучали. Епархий бросил: «Войдите», и на пороге появился тот, кого они только что обсуждали: мужчина, облачённый в короткий кожаный плащ и скрывающий лицо за чёрной маской. Все его одежды были тёмными: от высоких походных сапог до широкого пояса с множеством небольших сумок да потёртой шляпы с загнутыми и подшитыми к тулье полями. Но безошибочно узнавали его в любом краю не только по чёрному одеянию, но и по железу, коим увесил он всё тело. Плоские тонкие пластины были нашиты на сапоги, штаны, воротник и даже кожаную куртку, которую он носил под плащом, а на поясе покоился короткий меч в ножнах. Тканевая маска закрывала половину его лица и шею, оставляя видимыми только серо-голубые глаза и русые волосы, собранные в низкий хвост, так что определить точный возраст человека, которого в народе прозвали Скитальцем, не представлялось возможным. Да и человек ли он был? Уверенно сказать никто не мог, но любой ребёнок слышал сказку о том, что Скиталец стал собой в День Чёрного Солнца, а минуло с того дня уже три столетия.

Крупная хищная птица, что сидела на его плече, привлекла к себе внимание, щёлкнув острым клювом. Она вертела головой, поворачивая жёлтый глаз то к одному, то к другому человеку в комнате, и оттого казалось, она пристально следит за каждым их движением.

– Вы хотели меня видеть? – вежливо и даже скромно обратился Скиталец к епархии, окинув беглым взглядом оцепеневшего от его вида Матвея.

– Да, Морен, проходи. – Епархий указал на свободный стул, который его предыдущий гость так и не занял. – Ты как раз вовремя. Для тебя есть работа.

– И я готов заплатить много, – пробурчал Матвей, вжимая голову в плечи и с опаской поглядывая на того, кого требовал к себе ещё совсем недавно.

Морен закрыл за собой дверь и занял отведённое ему место. Двигался он тихо, ступал мягко, так что не было слышно и шороха от его шагов, что казалось почти невозможным при таком количестве железа на одежде. Матвей же с опаской поглядывал на птицу. Крупная, больше петуха, с рябым коричнево-чёрным оперением, она сжимала плечо хозяина мощными когтями, и казалось чудом, что эти самые когти не разрезают кожу плаща и человеческую плоть под ней.

– Что это за птица? – хмуро спросил наместник, не считая нужным церемониться.

– Здесь такие не водятся, – вкрадчиво ответил Скиталец и перевёл взгляд на епархия: – Что от меня нужно?

– В нашем уезде пропадают дети, – начал было священник, но Матвей перебил его:

– Не во всём уезде, а конкретно в Яжской волости. В уезде как раз-таки всё в порядке. Но есть у нас один лес и деревня рядом с ним, вот туда и оттуда они как раз и пропадают. Раньше пропадали... – добавил он неохотно, дёрнув плечом. – Сейчас уже и в близлежащих деревнях пропадать начали.

– Детей воруют? – уточнил Морен.

Матвей покачал головой.

– Нет. Сами уходят. Или же их родители отправляют, за лучшей жизнью.

– Что вы имеете в виду?

– Поверье у них есть, у местных. Будто бы в том лесу живёт Бабушка Яга – божество, хозяйка леса, хранительница мира мёртвых. Кого в деревни ни спроси, все о ней знают. Мол, провожает она души в мир иной и не даёт им вредить живым. – Матвей поморщился и добавил: – Деревенские байки.

– При чём же здесь дети?

– Да при том, что когда-то давно, ещё в Сумеречные лета, детей отправляли в этот лес. Считалось, что милосерднее отдать их Яге в услужение, чем позволить им с голоду помирать. Дети, естественно, не возвращались – кого волки задрали, кого нечисть, а кто просто заблудился. Если зима была, так их смерть на холоде ждала, оно и понятно. Но что отцу да матери оставалось? У них ещё семеро таких по лавкам, а так на один рот меньше кормить. Считалось, что таких несчастных Яга приглашала к себе, сажала за стол, кормила досыта... а потом отправляла дальше, в загробный мир. Вот такими сказками родители себя утешали.

Я в Ягу даже маленький не шибко-то верил, да случилась одна история... Девчонка Василиса, из тамошних, деревенских, ушла в лес и заблудилась. Родители её уж и похоронили, а она, глянь, из лесу выходит! Живая, здоровая, в мехах и в золоте. Должно быть, в лесу какой-нить всадник околел, да она его пожитки прибрала, но всем сказала, что её Бабушка Яга одарила. За чистое сердце! – с издёвкой протянул Матвей и поморщился. – Вот с тех пор некоторые верят, что если ребёнка – доброго сердцем – отправить в лес, то он не только живым вернётся, да ещё и с дарами. Обеспечит себе и родителям безбедную жизнь. Надо ли говорить, как много их возвращается? Кто поумней, глядя на соседей, потерявших так дитё, своих в лес не пускает. Но бывает, дети и сами уходят. Наслушаются сказок и идут в лес, чтоб себя проверить, да и другим доказать, что они, мол, достойны!

– Как ваш сын, верно?

Лицо Матвея исказила мука. Плечи его обмякли, тело словно лишилось опоры. От грозного вида, что он напускал на себя, не осталось и следа.

– Откуда вы знаете? – спросил он у Скитальца.

– Как я понял, дети пропадают уже много лет, но лишь сейчас вы обратились в Церковь и ко мне. Чего же вы ждали?

– Я же ясно сказал, – процедил наместник сквозь зубы. – Я в эти сказки не верю. Всё это совпадения, чушь!

– Будь это так, вы не рассказали бы мне о Яге, а попросили бы прочесать лес. Но вы знаете, в нём что-то есть: кто-то или что-то, кто подпитывает эти предания, раз они до сих пор не канули в летá. И своим бездействием вы тому поспособствовали.

Глаза Морена горели укором. Птица подняла крылья и произнесла голосом Матвея, повторяя один в один его интонацию:

– С Вадюшей что-то случится!

Наместник побледнел, отпрянул, точно от пощёчины, но затем лицо его побагровело. Поджав губы, он проревел дрожащим от гнева голосом:

– Я к местным со своим уставом не лезу! И вам не советую. Дед мой ещё сопляком был, когда ему бабки сказки про Ягу рассказывали. Им до вашей веры нет никакого дела!

Матвей сплюнул себе под ноги, поставив смачную точку. Этого епархий уже не стерпел:

– Попрошу заметить, что это и ваша вера тоже!

– Прошу прощения, – выдавил из себя Матвей и вновь обернулся к Скитальцу. – Что же вы теперь, заявитесь к ним в село и начнёте петь о покаянии, Едином Боге и наказании за грехи?! Думаете, Единый Бог вернёт моего Вадюшу?!

– Я не верю в богов, – спокойно ответил Морен. – Их придумывают люди. Так что, скорее всего, в ваших краях живёт проклятый, которого местные принимают за божество. Этого проклятого я и должен найти.

– Бабушку Ягу-то? – Матвей выглядел разочарованным. – Лучше найдите моего сына.

– Я не занимаюсь поиском людей, я убиваю проклятых. Но если ваш сын ещё жив и ушёл к Яге... Я его найду.

Их разговор состоялся в полдень, и уже на исходе дня Морен прибыл в Закутья – поселение на окраине Последнего леса, того самого, о котором говорил Матвей. Ряды тёмных сосен и величественных дубов тянулись до самого горизонта, не оставляя сомнений, что их не обойти и за месяц, не то что за неделю. Обычно на окраине таких лесов размещалось до десятка, а то и сотни поселений, но Матвей заверил его: Закутья – единственная деревня у Последнего леса, ведь потому его и прозвали так, что за ним не было уже ничего.

Морен не особо в это верил, но и спорить не стал.

Закутья представляли собой два-три десятка дворов, окружённых забором и заточенным частоколом. Последний призван был защищать от хищных зверей и нечисти – проклятых, – что могли прийти из полей и леса. Над распахнутыми воротами высилась арка, на которой когда-то вывели белой краской название поселения. Оно и сейчас угадывалось, да только дерево давно рассохлось и потрескалось, а расписные буквы выцвели. Такой же старой, ветхой и всеми забытой выглядела и сама деревня. Усевшие и неизменно серые, будто бы потемневшие от времени дома. Хотя так могло лишь казаться из-за сизого полотна облаков, что затянуло небо и закрыло солнце. Но и без того бросалось в глаза, что многие жилища нуждались в починке, а другие и вовсе почти развалились. Пустые, будто заброшенные постройки, однако чувствовалось: даже из них кто-то наблюдал за ним.

Сказания о Скитальце – то ли человеку, то ли чудовище, убивавшем проклятых, – передавались из уст в уста по всей Радее. Кто-то в них верил, кто-то встречал его лично, а кто-то считал, что истории о нём лишь сказки, которыми на ночь пугают детей. Но, так или иначе, сложно было найти уголок, в котором не слышали бы о всаднике в тёмных одеждах, что скрывал лицо за чёрной маской. Закутья не стали приятным исключением. Едва завидев его, люди попрятались по домам. Одни запирали ворота, когда он проезжал мимо, другие захлопывали перед ним двери и ставни, но затем тушили лучины и с любопытством выглядывали из окон. Кто посмелее, не бросал свои дела, но неизменно отводил взгляд, будто считал, что если не смотреть на Скитальца, то и он его не заметит. Морен уже давно привык к подобному, но именно в Закутях старики и женщины, мужчины и старухи – каждый, кто попадался ему на глаза, – привлекали его пристальное внимание. Ведь поношенные, висевшие мешками на худых плечах одежды говорили о нищете и голоде.

Дороги в Закутях не наблюдалось (если не считать той грязи, что месили копыта его гнедой кобылы), но сразу от ворот открывалось свободное пространство, этакая площадь, и именно в её изголовье расположился дом старосты. Как сказал Матвей, его легко узнать по ярко-красному флюгеру в форме петуха.

Может, когда-то давно тот и был красным, но сейчас его цвет напоминал скорее незревшее алое яблоко или вываренную морковь. Староста оказался мужчиной уже давно в годах, с коротко стриженными седыми волосами и недлинной белой бородой. Даже его одежды были

светлыми, с аккуратными заплатками на локтях и штанинах. Он сидел на лавочке у порога своего дома, но при виде Скитальца широко распахнул выцветшие, болотного цвета глаза и медленно поднялся, опираясь на клюку из необструганной берёзы.

– Вам тут вряд ли будут рады, молодой... – он осёкся – видимо, по привычке хотел сказать «человек», но почему-то счёл такое обращение неуместным. – У нас тут нечисти нет, мы не найдём для вас работу.

Морен спрыгнул с лошади и протянул ему стянутое сургучной печатью письмо-приказ от Матвея. Птица спорхнула с его плеча, пересела на лошадиный круп и беспардонно сунула голову в седельную сумку, но, так и не сумев ничего оттуда достать, перелетела на ветки растущей у дома яблони. Староста наблюдал за ней, пока Морен не привлёк его внимание:

– У меня уже есть работа. Меня к вам направила Церковь. Говорят, что у вас пропадают дети.

Глава деревни зажал клюку под мышкой и распечатал письмо. Несмотря на глубокую старость, что выдавали морщины на его лице и подслеповатые глаза, телом он остался крепок и хорошо сложен. Дочитав приказ до конца, снова опёрся на клюку и широким жестом руки пригласил гостя в дом. Теперь староста казался не удивлённым, а скорее расстроенным.

Он усадил Скитальца за стол, но не предложил ему ни еды, ни воды. Да и вряд ли ему было что предложить, заключил Морен, осматривая скудную обстановку: печь, посуда, стол да пара стульев – вот и всё имущество старика. Бросив письмо между ними, тот тяжело опустился напротив и спросил:

– Мальчик в лесу пропал, почему же вы к нам пожаловали? Охотники до вас его в лесу искали, к нам лишь лошадей напоить заглядывали.

Морен не стал лукавить:

– До Церкви дошли сказки о некой Бабушке Яге, что живёт в Последнем лесу. Епархий считает, что пропавшие дети – её рук дело, и я с ним солидарен. Матвей сказал, что вы знаете о Яге больше, чем он.

Староста помолчал немного и кивнул на письмо.

– Наместник приказ написал, – промолвил он, – любую помощь вам оказать да сказать, что знаю. Что знаю, то и скажу. Да только зря время теряете. Нет у нас нечисти.

– А как же Бабушка Яга?

Старик округлил глаза, взглянул на него, как на дурного, и вдруг рассмеялся.

– Помилуйте, когда ж это подобных ей нечистью величать стали? Шестой десяток уж на свете живу, а такого не видел и не слышал, чтоб добрый бог ребёнка обидел. Сами дети в лес уходят, да там и теряются.

– Об этом я слышан. Только уходят они за дарами, либо родители их сами туда отправляют.

Староста молчал, лишь смотрел на него в раздумьях, а потом покачал головой и заговорил о другом:

– Жалко Матвея, и сынишку его жалко. Но я вам ничем не помогу. Уезжайте отсюда. Мальчик в лесу потерялся, никто его не похищал. Будут боги милостивы, так в самом деле набредёт он на избушку Яги, тогда, может, и вернётся. Да вряд ли...

– Это почему же?

– Ещё ни один мальчик из лесу не возвращался.

Морен распахнул глаза, поражённый услышанным. Но когда он спросил почему, староста только пожал плечами.

– Я лишь хочу найти Бабушку Ягу и поговорить с ней, – Морен стоял на своём. – Если она непричастна к пропаже детей...

– Не «если», – сухо поправил его старик.

– ...она может знать, где они. Я хочу помочь вам.

– Мы вас о том не просили. И сюда не звали.

– Пропадают дети, неужели вы не желаете спасти их?

– Спасти? – удивился глава. – От чего? Окромя волков да медведей, ничто другое им в лесу не угрожает. Вы что же, весь лес от них очистить хотите? Так они ещё уродятся.

– Почему вы даже не допускаете мысль, – Морен начал терять терпение, но изо всех сил старался сохранить хладнокровие, – что Яга в самом деле может оказаться чудовищем?

– Да послушайте! – староста всплеснул руками, на краткий миг повышая голос. – Я защищаю мир и покой своей деревни! Мы живём бедно, да и кто сейчас вдали от городов живёт иначе? Дед мой так жил, и, будь у меня внуки, они бы так же жили. Каждый день кто-нибудь да умирает: кто от болезней, кто от голода, кого тварь какая загрызёт – их и окромя нечисти в округе полным-полно. Эти сказки, как вы их назвали, дают людям утешение. Веру в то, что дальше будет лучше, что после смерти им воздастся за страдания. Я знаю, кто вы и чем занимаетесь, знаю, какая молва ходит о вас. Так вот, повторяю, вам здесь не будут рады.

– Я лишь хочу спасти детей, – упрямо повторил Морен. – Есть ли в деревне кто-нибудь, чей ребёнок также потерялся в лесу? И кто хотел бы, чтобы его нашли?

Староста помолчал, раздумывая, а после тяжело вздохнул и начал подниматься.

– Да, Марфа, – произнёс он тихо. – Дочь её давеча за ягодами ушла да так и не вернулась. К ней, так уж и быть, провожу.

– А с той девушкой, что возвратилась от Бабушки Яги с дарами, я могу поговорить?

– Вот это вам не удастся, – покачал головой старик. – Василиса давно в город уехала.

Дом Марфы ничем не выделялся среди других, за исключением молоденьких, только вставших на ноги поросят, что бегали по двору, время от времени пытаясь улизнуть через щели в кривом заборе. Марфа – женщина средних лет, с растрёпанной косой, в которой проглядывала седина, – ловила их, прижимала к груди и относила в хлев, там и запирала. Вид у неё был уставший, измученный, и то и дело она вытирала глаза рукавом, размазывая по щекам скучные слёзы.

Когда староста открыл калитку, один из поросят попытался сбежать, протиснувшись у него под клюкой, но Морен поймал его и подхватил на руки. На весь двор раздался поросятчий визг. С лица хозяйки схлынула краска, когда она увидела, кто пожаловал к ней.

Морен протянул животину Марфе. Та не отступила, но сложила руки на груди и, бросив быстрый взгляд на поросё, сказала, так и не поднимая глаза на Скитальца:

– Себе оставьте! Не нужен он мне, коль вы его трогали.

– На моих руках перчатки, если вам так будет спокойнее.

Чем переубеждать всех и каждого, что Проклятье нельзя подхватить, как лишай, проще было согласиться. Морен уже давно усвоил это, потому и оставался спокоен. Он опустил поросёнка на землю, и тот сломя голову понёсся в глубь двора. Хозяйка не стала возражать.

– Ты что это тут затеяла, Марфа? – спросил её староста.

Та всплеснула руками и воскликнула:

– Порося убежали! – Всё в ней: от дрожащего голоса и резких движений до блуждающего взгляда – выдавало, как она нервничает. – С самого утра всё из рук валится! Корова не доится, у корзины дно отвалилось, когда яйца собирала, побилось всё. Собака всю ночь выла, не давала спать. А тут ещё и... Юлка, уйди в дом!

Гаркнув, она обернулась к сидящему на пороге дома мальчишке лет девяти на вид. Лохматый и чумазый, в одних лишь штанах, он учился играть на самодельной свистулке. От окрика матери мальчишка вздрогнул и даже сделал вид, что поднимается, но стоило Марфе отвернуться, как он тут же плюхнулся обратно на лавку.

– Зачем ты его ко мне привёл? – понизив голос, спросила хозяйка старосту, всё ещё опасаясь смотреть на Скитальца.

– Из-за Малы, – ответил он ей.

– Я хочу найти Бабушку Ягу, – теперь уже и Морен вмешался в разговор. – А заодно и вашу дочку.

– Вы правда хотите помочь? – она словно не верила ему.

Морен кивнул, и Марфа всплеснула руками.

– Боги милостивые! Как я надеюсь, что она и в самом деле у неё! Я боюсь, тревожусь, вдруг её леший съел или похуже кто...

– Вы знаете, как найти Бабушку Ягу?

Она усмехнулась с горечью и покачала головой:

– Не найдёте вы её. Она ведь мёртвых на тот свет провожает, только мёртвые её и могут найти.

– Но дети же как-то находят.

Глаза Марфы округлились, выражая растерянность. Она переглянулась со старостой, но тот только плечами пожал. Похоже, прежде никто из них не задавал себе этот вопрос. И тут голос подал Юлка:

– А как же блины в лесу?

Марфа нахмурила брови, напустила на себя угрожающий вид и обернулась к сыну:

– Я тебе что сказала?! Живо в дом!

Морен подошёл к мальчику и опустился перед ним на корточки. Тот побелел, вжался в стену, но не удрал, хоть по лицу и читалось, как ему страшно. Морен улыбнулся, понадеявшись, что это будет заметно по глазам, и Юлка чуть расслабился. Марфа тоже испугалась было – она то и дело оборачивалась к старосте, словно просила его о помощи, – но видя, как тот спокоен, успокоилась и сама.

– Тебя Юлка зовут, верно? – Морен протянул малышу ладонь и представился.

Тот кивнул, сглатывая, но руку не пожал.

– Я видел, вы с птицей приехали, – сказал он.

– Верно.

– Это у вас нечисть в услужении?

– Нет, птица моя обычная. Всё равно что ворона.

– Вороны не обычные, они ведьмам служат.

– Ведьмам? Как Бабушка Яга?

– Не-е-ет, – протянул Юлка. – Бабушка Яга добрая. Она мёртвым помогает.

– Только ли мёртвым? Ты что-то говорил про блины. Расскажешь, как её найти?

Юлка бегло глянул на матушку, прежде чем ответить:

– Я скажу, да вы не поверите, – начал он несмело. – Взрослые не верят. Говорят, Истка всё выдумал.

– Давай представим, что я не взрослый. Ты ведь не знаешь, сколько мне лет.

– А сколько вам лет? – спросил он с любопытством.

– Больше, чем тебе.

– А что вы мне дадите, чтобы я вам рассказал?

Марфа широко открыла рот, глотнула воздух и выпалила, краснея от возмущения:

– Юлка! Ты что себе позволяешь?! Вы простите меня за него...

Но сам Юлка на замечание матери только дёрнул плечом да взгляд отвёл. Морен прищурился. Он бы, конечно, мог дать ему монету, но поощрять вымогательство совсем не хотелось.

– Я здесь, потому что твоя сестра пропала. И мама очень переживает. А также пропал Вадим, сын наместника. Я хочу их найти, а для этого мне нужна помощь Бабушки Яги. Ты же хочешь, чтобы они вернулись?

Мальчик изменился в лице. Снова посмотрел на матушку, то ли ища одобрения и поддержки, то ли боясь осуждения, подумал немного и попросил:

– Только Истку не наказывайте, пожалуйста. Нельзя ему в лес ходить. Он говорит, в лесу Блинная тропка есть. Блины прямо на дереве растут. Он их с веток снимал и ел, говорит вкусные-е-е! Холодные только. Ребята сказали, что их в лесу Бабушка Яга выращивает, чтобы покойные на запах блинов шли и её избушку находили.

– Ох, Истка, – протянула Марфа. – Ох, выпорот его отец, когда узнает.

– Мама! – воскликнул Юлка, глядя на неё с мольбой.

Морен невольно улыбнулся, поблагодарил его и поднялся, возвращаясь к взрослым. Раскрасневшаяся Марфа казалась раздосадованной, словно бы стыдилась того, что сказал её сын.

– Расскажите мне про вашу дочь, – попросил её Морен. – Сколько ей лет, как выглядит, когда и зачем ушла в лес.

– Хорошо, – согласилась она. – Только не слушайте вы его. Ну откуда в лесу блинам взяться?

– И всё же, вы не пускаете детей в лес. Если не Бабушки Яги, то чего вы боитесь?

– Последний лес на то и Последний, – покачала Марфа головой. – Много там нечисти бродит и душ тех, кто на ту сторону уходит. Да и дети, они ж и в самом деле заблудиться могут.

– А ваша дочь?

Марфа округлила глаза в изумлении.

– Мала уж взрослая, – молвила она. – Тринадцать лет почти девке.

Получив ответы на остальные вопросы, Морен попрощался и вернулся к дому старосты, чтобы забрать свою лошадь. Стоило ему забраться в седло, как Куцик – а именно так звали его пернатого приятеля – опустился к нему на плечо и щёлкнул клювом.

– Похоже, придётся прочёсывать лес, – обратился Морен к своей свите, ведя кобылу по пустынной площади.

Закуты с его появлением словно бы вымерли. Лишь в редких дворах ещё оставались люди, но и те провожали его недобрый взглядом с крыльца или из-за запертой калитки. Куцик раскрыл клюв, издавая хриплый ястребиный крик.

– Раз уж наш маленький осведомитель, – начал объяснять ему Морен, – добрёл до Блинной тропки и спокойно вернулся домой, значит, она должна быть где-то неподалёку. Всё же местные правы – в лесах и без Яги хватает хищников. Детям ещё нужно как-то до неё добраться.

Но всё же первое, что он сделал, выехав за пределы деревни, – раскрыл карту и нашёл на ней Последний лес. Обозначенный как Яжские чащи, он в самом деле расположился аккуратно на границе. За ним простирался лишь горный хребет, которым и заканчивалась Радея.

Когда Морен ступил под кроны деревьев, уже начало темнеть. Густая зелёная листва поглотила солнце, и в тени ветвей сумерки наступили значительно раньше. Тёмные высокие сосны, широкие дубы с выступающими из земли корнями, шуршащие листвой осины; неутрахающие голоса птиц, хруст веток под копытами лошади, аромат мха и сырой земли – этот лес ничем не отличался от сотен других похожих на него лесов Радеи. Отовсюду звучали переливы синиц и соловьёв, хлопали крылья и шумела куца, когда крупные вороны перелетали с ветви на ветвь, а иногда их сменяли рыжие белки. Казалось невероятным, что в этом наполненном жизнью и покоем мире могут водиться чудовища: одичавшие псы, голодные волки, свирепые медведи... а ещё ярчуки, волколаки, кикиморы и лешие. И это не говоря уже о том, что, поддавись Проклятью, даже обыкновенная лиса становилась смертельно опасной.

Но как бы Морен ни вслушивался в голос леса, ничто не предвещало беды. Лошадь его оставалась спокойной, а Куцик мирно дремал, распушив рябые перья. Придерживаясь плана, Морен не уходил далеко от селения и бесцельно бродил около него, надеясь на удачу и собственные догадки. Темнело быстро; облака так и не рассеялись, скрывая лунный свет, и туманные сумерки сменились густой тьмой. Ночь наполнилась разговорами сов и шуршанием ежей

в опавшей листве. Морен вполне готовился к тому, что на поиски уйдёт вся ночь, а то и не один день, но стоило как следует заблудиться, и тропка словно сама нашла его.

Румяный округлый блин висел наколотый на ветку на высоте детского роста. Внимательно осмотревшись, Морен углядел ещё один, через десяток шагов на другом дереве. А дальше ещё и ещё, насколько позволяла разглядеть ночь. От ближайшего ещё тянулся едва уловимый запах. Морен сорвал его с ветки, внимательно осмотрел и поднёс к клюву Куцика. Тот без колебаний попытался съесть предложенный кусок, но Морен отдернул руку, не дав ему этого сделать.

«Значит, не отравлены», – заключил он, дальше рассуждая уже вслух:

– На вид обычные блины. Неужели их развесили как приманку?

Был лишь один способ проверить, и Морен направил лошадь по Блинной тропе. Вела она в глубь чащи, далеко от поселения, но дорога оказалась лёгкой, без поваленных стволов и крутых оврагов на пути.

Не прошло и пары часов, а лес переменился. Одни деревья устремлялись всё выше, другие причудливо изгибались, будто бы что-то тянуло их вниз, и всё чаще встречались мёртвые, давно сохшие исполины. Всё говорило о том, что эта часть мира древнее прочих. Даже звуки здесь казались тише: всё дальше и дальше позади оставались голоса птиц, словно они боялись потревожить что-то во тьме.

И вот вдали показался огонёк. Пойдя на него, Морен вышел к краю опушки. Не спеша ступать на открытую местность, огляделся – сюда вело множество тропинок, как широких и хорошо протоптанных, так и едва различимых, но вдоль каждой из них на ветках «росло» свежеиспечённое лакомство.

Лошадь вскинула голову, резко и шумно выдыхая, дёрнула ушами и попыталась отступить. Морен удержал её и успокаивающе погладил. Впереди простиралась опушка, а когда они вышли за деревья, глазам открылся огромный дом. Стоял тот на сухих массивных пнях, каждый из которых срубили на высоте человеческого роста; затянутые мхом корни выглядели из-под земли, словно звериные когти, и такие же когти обрубленных ветвей держали постройку. У той не было ни крыльца, ни двери, но зато под самой крышей виднелись вырубленные оконца без ставень, из которых лился тёплый свет. Издали избу легко было принять за домовину – когда в Сумеречные лета начали хоронить умерших в землю, в таких хранили тела до весны: промёрзлая земля не оставляла иного выбора. Вот только Морен прежде не встречал домовины такого размера. Если это и она, то построили её ещё в первые годы после Чёрного Солнца, когда умерших было особенно много.

К дому вела узкая тропка, освещённая врытыми в землю факелами. Каждый украшали черепа домашнего скота – преимущественно коней, – и свет зажжённого огня пробивался сквозь трещины в их костях и пустые глазницы.

Куцик взмахнул крыльями и прокричал голосом старосты:

– Добрый бог!

– Подслушивал, значит, – ответил ему Морен. – Ну пойдём, познакомимся с «добрым богом».

Лошадь идти не хотела. Морен не стал её заставлять – прыгнул на краю опушки и привязал поводья к ближайшему дереву. Куцик же предпочёл остаться у него на плече. Долго ломать голову, как попасть внутрь, не пришлось: подойдя к избушке, Морен разглядел люк в её днище меж пней, а стоило встать под ним, как тот распахнулся. Из недр освещённой комнаты спустилась деревянная лестница: скрипучая, старая, местами покрытая мхом, но на вид вполне крепкая.

Морен поднялся по ней и оказался в самом обыкновенном на вид доме. Внутри было тепло, просторно, светло от огня и удушливо пахло травами. Вместо печи – очаг, в котором потрескивали поленья, а над ними висел котелок с булькающим варевом. Из мебели – широкая

лавка, стол да табуреты. Под потолком сушились грибы и растения, в углу стоял сундук, укрытый поеденным молью платком, одну из стен украшала тёмная медвежья шкура. А за столом, перед тарелками с едой, сидела Бабушка Яга.

Сухая сгорбленная старушка, закутанная в множество слоёв ткани. Подол юбки был такой длины, что скрывал ноги до самых пят. Голову покрывала тёмно-серая шаль – похожая лежала и на плечах, – и из-под неё выглядывали редкие седые пряди. Пальцы её были тонкие, скрюченные – один в один птичьи лапки без когтей, – изрытые глубокими морщинами так же, как и лицо. Тяжёлые опухшие веки закрывали глаза, словно она не могла поднять их, и легко удавалось поверить, что старушка давно ослепла от старости.

– Неужто сам Скиталец ко мне пожаловал? – обратилась она к нему. Голос у неё оказался по-старчески скрипуч и по-девичьи тонок.

– Вы меня знаете?

– А как же! Я всё обо всех знаю. Проходи за стол. Проголодался, поди, с дороги.

Есть Морену не хотелось, но приглашение он принял, заняв место напротив Яги. Кушанья в тарелках не могли похвастаться разнообразием, но и простыми их назвать не получалось: жареные пирожки, тёртая редька, мясная похлёбка и ячменная каша.

– Богатый стол, – произнес Морен.

– Для дорогого гостя ничего не жалко. – Яга улыбалась ему со всем радушием.

– А я, стало быть, дорогой гость?

– Как и любой, кто забредёт ко мне. Для одинокой старушки любой гость в радость. Ты угощайся, угощайся. Голодный поди.

Морен не притронулся к еде и, что важнее, Яга тоже не спешила есть. Зато хлопотала над ним: придвинула миску с пирожками, налила в чашку настой из трав – Морен по запаху узнал кипрей и мяту, – сорвала с нитки над головой и накрошила в похлёбку петрушку и сушёных лисичек.

Морен украдкой взглянул на своего пернатого спутника. Тот рядом с людьми всегда был настороже: следил за каждым словом и жестом, перебирал когтями, показывая, что нервничает, мог угрожающе щёлкнуть клювом, если протянуть к нему руку. Но сейчас он распушил перья, втянул голову и время от времени прикрывал веки, всем своим видом демонстрируя миролюбие и покой.

– Что же привело тебя ко мне, Скиталец? – спросила Яга, притянув к себе тарелку похлёбки. – Неужто местные тебя ко мне послали?

Разломив напополам пирожок – тот оказался с рубленным мясом, – она смочила его в бульоне и отправила в рот. Морен ощутил себя неудобно: пока он ждал подвоха от каждого кусочка пищи и настороженно прислушивался, не нападёт ли на него кто из-за угла, всё указывало на то, что беспокоится он зря. Даже его кровь оставалась спокойной: сердце не билось в неистовстве, как делало всегда, ощущая тревогу. От этой старушки не исходило никакой опасности, и на привычных проклятых она не была похожа.

– Нет, не совсем. Я ищу пропавших детей, – честно ответил Морен. – Мальчика и девочку двенадцати лет. Вадим и Мала. Вы их встречали?

– Нет, деток я уж давно не видела.

– А блины в лесу – ваших рук дело?

Яга рассмеялась.

– Моих, моих, чьих же ещё? Только они не для живых. Я так мёртвые души приманиваю, чтобы помочь им, проводить их на тот свет. Иначе те, кто в лесу умер, так в нём и останутся. Будут блуждать да живых с горя в лес заманивать. С тропы сводить.

– Как болотные огоньки?

Оба замолчали. Яга смотрела на Морена из-под полуопущенных век, будто раздумывала, как много ему известно.

– Да, верно. Они самые.

– А если их начнут срывать живые, те, кто всего лишь заблудился?

– Так что ж в этом плохого-то? Покушают, сил наберутся, глядишь, живыми из леса выберутся. Ты бы тоже поел, юноша. Голодать негоже.

Яга зачерпнула варево большой ложкой и выпила его, прихлёбывая. Во рту у неё почти не осталось зубов, так что и жевала она с причмокиванием.

– Вы что же, каждую ночь развешиваете их по лесу? И не боитесь ходить по нему в одиночку?

– Нет в лесу напасти, что могла бы причинить мне вред.

Морен сощурился.

– Почему? Кто вы?

– А не всё ли равно? Лучше расскажи мне, кто ты такой, Скиталец. Говорят, ты бродишь по свету и убиваешь проклятых. Много ли повидал их на своём веку?

– Достаточно.

– И все они были злыми? – она изогнула брови.

Морен не спешил отвечать: его отвлекло движение на плече – Куцик чистил клюв, потираясь им о маску на его лице.

– Что, если я скажу тебе, – продолжила Яга, – что я всего лишь одинокая старушка, которая живёт в лесу и никого не трогает?

– Тогда я спрошу: а как же черепа перед вашим домом?

Яга рассмеялась – голос её скрипел, как старые половицы.

– В лесу много зверья мрёт. Я их косточки и собираю, чтобы они отпугивали тех, кто ещё жив.

– В деревне говорят, вы живёте уже несколько сотен лет. Они почитают вас, как божество.

– О-о-о, – она склонила голову набок. – Что же будешь делать, если всё на самом деле так?

– Попрошу у вас помощи. В лесу пропадают дети – они уходят к вам за дарами и лучшей жизнью, а после не возвращаются.

Яга, опечаленная, опустила голову.

– Бедные детки. Они не доходят до меня. Когда я нахожу их души, уже слишком поздно. Их ведёт в лес тщеславие, и боги наказывают их за это.

– А как же Василиса?

Повисла тишина. Яга долго вглядывалась в Морена сквозь полуопущенные веки, прежде чем ответить:

– В ней не было тщеславия. Родители отправили её в лес на смерть: мачеха не хотела, чтобы она стала соперницей для её дочерей. Чистую душу можно вернуть.

– За это вы одарили её? За чистую душу? Почему же тогда вы не одаривали никого из мальчиков?

Морен говорил всё быстрее и быстрее, сыпал вопросы один за другим – он не давал Яге время на раздумья, и она сжала пальцы, царапнув ими по столу.

– Сердце воина от природы жестоко, – ответила она.

– Откуда же у вас нашлись меха и золото?

– В лесу часто умирают путники. Мне ни к чему их добро.

– От чего же они умирают?

– Ты не хуже меня знаешь, что может скрываться в ночной темноте.

– Именно. Так откуда у вас – одинокой старушки – мясо, чтобы подать к столу? И как вы так спокойно ходите в лес, ничего не опасаясь? Чьё оно? – Морен кивнул на тарелки. – Скажете, что падаль?

– Ты играешь с силами, которые не понимаешь, Скиталец.

– Так кто же вы? Безобидная старушка? Лесное божество? Или проклятая, что заманивает людей в лес, чтобы потом обобрать их?

– Не смей гневить богов или будет худо!

Она вскинула руку и перстом из раскрытой ладони указала на него. Справа, у самого уха, послышался тихий свистящий скрип. Морен обернулся к своему пернатому спутнику и ужаснулся – тот, раскрыв клюв, пытался выкашлять пену, что текла из горла, капая на плечо.

Морен вскочил, придерживая птицу обеими руками. Взгляд его забегал по комнате – он искал решение, но страх потери, что отразился в его глазах, не укрылся от Яги.

– Вот что бывает с теми, кто идёт против воли божьей!

Её скрипучий смех прокатился по стенам. Морен бросился к прорези в стене, что служила окном, спеша вынести птицу на свежий воздух. В избе стоял полумрак, разбавляемый лишь огнём очага, поэтому, только взглядевшись, он заметил ставни. Окна запирались изнутри, как...

«...в домовине! Она действительно поселилась в постройке для мёртвых!» – Морен едва мог поверить своим же выводам.

Он бросил Куцика на деревянный сруб. Когда захлопнул ставни, Яга перестала смеяться. Она медленно поднялась и шагнула к нему – раздался стук, как от деревянной трости.

– Мне нужно наружу, – голос Морена дрогнул: что-то здесь было не так. Куцика отравили, но он ничего не ел, значит, сам воздух в избе...

– Никуда ты отсюда не выйдешь, – ответила ему Яга.

Морен бросился к люку в полу. Запах трав ощущался здесь куда сильнее, и, подняв взгляд на котелок, он наконец-то узнал цветы и ягоды, что варились в нём.

– Сонная одурь, – прошептал Морен.

Глаза его закатились, и он рухнул наземь.

Яга поспешила к нему – каждый её шаг отдавался гулким стуком. Скиталец лежал, полу-прикрыв глаза, – ресницы его дрожали, но дышал он медленно и слабо. Яга внимательно осмотрела его и воскликнула:

– Весь в железе! Ну ничего-ничего... Вскрою тебя потом, как рака!

Она явно говорила про его одежды. Железные пластины защищали плечи, руки, бока и бёдра, а ещё парочка пряталась под воротником плаща. Небольшие и тонкие, чтобы не утяжелять движения, хватало даже столь простецкой защиты. Ибо проклятые терпеть не могли железо, опасаясь его как яда, и Яга не стала исключением.

Она затопала прочь. Со скрипом распахнулись ставни, и прозвучало раздосадованное:

– Улетела! Успел-таки... Жаль, красивый был черепок. Ну ничего-ничего... Лошадь твоя никуда не денется.

Снова застучали её шаги, уже в другой стороне. Сорванная со стены медвежья шкура упала на пол, зашуршал засов, закрипела дверь. Из потайной комнаты пахло трупём – запах был такой силы, что ощущался даже сквозь удушающий аромат трав. Яга вернулась к Морену: аккуратно, стараясь не задеть пластины на его одежде, отстегнула меч, забрала охотничий нож, сняла сапоги и вытряхнула из них запасной нож. Обувь она бросила к сундуку, а меч положила на него сверху. Хотела было снять и пояс, но всё же задела случайно одну из пластин. Взвизгнула и отдёрнула руку.

– Весь в железе! – возмущённо повторила она.

Пояс она в итоге срезала кинжалом, убрала к остальным вещам. Схватив Морена за босые щиколотки – пальцы её оказались ледяными, – она без усилий затащила его в соседнюю комнату. Здесь было куда темнее, а трупный запах стоял такой силы, что глаза начинали слезиться. Прислонив Скитальца к стене, держась только за ткань плаща, Яга обмотала верёвками его руки и ноги.

Когда она зашагала прочь, у дверей раздался шорох ткани и всхлип. Яга остановилась, шумно втянула носом воздух и воскликнула:

– Фью-у-у! Да ты кривишь, как женщина! – её голос дрожал от отвращения. – Мясо попортила!

Всхлип раздался снова, перетёк в рыдания. Яга какое-то время молчала, а потом произнесла в раздумьях:

– Может, оно и к лучшему. Коль они отправили его ко мне, пора напомнить местным, кто их бог. А запасов мне хватит...

Дверь захлопнулась, забрав последние остатки света. С обратной стороны послышался скрежет засова, и Морен открыл глаза.

Он оказался в просторной, но абсолютно пустой и тёмной комнате. Окна под потолком закрывали плотные ставни – с их помощью защищали тела от ворон, – и воздух ощущался удушливо затхлым. Ни мебели, ни вещей не нашлось, только свёрнутые мотки верёвок, разбросанные по углам. А напротив него, у самой двери, на полу сидела девочка. Руки и ноги её были связаны, она прижимала колени к груди и вздрагивала от бесшумных рыданий. Когда Морен взглянул на неё, она вскрикнула от ужаса и вжалась в стену.

– Не бойся, – не слишком громко, но достаточно, чтобы его услышали, заговорил он с ней. – Ты ведь Мала, верно? Я пришёл за тобой.

– Вы чудище? – спросила она. – Нечистый? У вас глаза светятся. Откуда вы знаете меня?

– Я не чудище. Меня называют Скитальцем. Слышала обо мне?

Она медленно кивнула.

– Моя работа – убивать чудовищ. Твоя мама попросила найти тебя, вернуть домой и убить чудище, что держит тебя здесь.

Успокоившись было, Мала снова начала рыдать.

– Почему она так поступает? Она всегда была хорошей!

Морен широко распахнул глаза, на мгновение потерявшись от столь резкой перемены. Девочка впадала в истерику, и его холодом сковывал страх, что их могут услышать.

– Тише!

– Неужели она считает меня плохой?

– Мала, тише.

– Что плохого я сделала?!

– Пожалуйста, тише!

Ему пришлось повысить голос, но это подействовало – Мала продолжила глотать слёзы, но уже молча. Морен прислушался. Шкура, что висела в «гостевой» Бабушки Яги, не только прятала от глаз ещё одну комнату, но и поглощала звуки – вот почему он не слышал девочку, что всё это время сидела здесь. Но Морен не мог сказать наверняка, вернула ли Яга шкуру на место, когда заперла их здесь.

Он рассчитывал, что притворится одурманенным и нанесёт удар, когда та окажется достаточно близко – наклонится, чтобы перерезать ему горло, например. Конечно, сонная одурь, или красавка по-иному, действовала немного иначе: куда чаще она вызывала галлюцинации и лишь при определённых дозах могла усыпить. Но в котелке варилось что-то ещё, что-то, что он не сумел распознать по запаху, да и варить эту траву Морен никогда не пробовал, чаще использовали сами ягоды, листья или их сок. Главное, что Яга поверила в его притворство. Вот только убить его даже не попыталась. Почему?

– Как давно ты здесь? – спросил Морен девочку, одновременно притягивая к себе руки, чтобы как следует рассмотреть узлы.

– Не знаю. Здесь темно, ничего не видно.

– А как ты сюда попала?

Мала почему-то замялась, прежде чем рассказать:

– Мы заблудились в лесу. Искали тропинку к дому, а нашли блины на ветках. Мама говорила, что их нельзя брать, что они для покойных, но мне так хотелось есть... Я сама не заметила, как мы к дому Бабушки вышли.

– Мы?

– Я с другом была.

– Уж не с Вадимом ли?

Она вздрогнула, округлила глаза и залепетала:

– Да, с ним. Откуда вы знаете? Только не говорите его папеньке, пожалуйста! Он его наругает, он не велит ему с нами, деревенскими, дружить.

– Не бойся, не скажу. А где он сейчас?

– Не знаю, Бабушка Яга его забрала. Может, она его отпустила?

– Может быть... – согласился Морен, только чтобы успокоить её. – А что было, когда вы пришли сюда?

– Бабушка пригласила нас войти, усадила за стол. Накормила, спать уложила. А проснулись мы уже здесь. Не понимаю, что мы такого сделали?!

Морен перебил её, не дав истерике разразиться вновь.

– Бабушка Яга говорила что-нибудь? Например, зачем тебя здесь держит? Или зачем забрала Вадима?

– Нет. Но когда Вадя отказался есть, она сказала, что мы должны кушать, чтобы оставаться свежими. Что это значит?

Морен горько усмехнулся. У него самого холодок пробежал по коже от этих слов, а он не хотел пугать девочку ещё сильнее.

Закончив осмотр верёвки, он повернул руки так, чтоб правая ладонь тыльной стороной смотрела вниз. Сжал кулак, поднял кисть как можно выше и резко приложился запястьем к бедру. От удара сработал механизм ручного арбалета, спрятанного под рукавом плаща. Пущенная стрела вонзилась в стену, надрезав верёвку наконечником. Пришлось повозиться, но в итоге Морен освободился.

Когда он подошёл к Мале и опустился перед ней на корточки, она отпрянула от него и вжалась в стену.

– Почему у вас глаза светятся? – спросила она снова.

– Я не совсем обычный человек. Иногда, когда чувствую опасность, мои глаза начинают светиться.

– Как у нечисти?

Морен очень не хотел отвечать на этот вопрос, но всё-таки кивнул.

– Да, именно.

– Похоже на угольки, – вдруг произнесла Мала уже вполне миролюбиво.

Морен хмыкнул. У всех проклятых глаза горели алым – вот почему Яга прятала от него свой взгляд, притворяясь незрячей, и вот почему Скитальца принимали за чудовище, боясь его ничуть не меньше, чем проклятых. Никто не желал задумываться, как много или мало общего у него с теми, кого он убивает.

Морен огляделся. С самого начала ему показалось, что эта комната слишком мала – смежная стена с той стороны, где его встречала Яга, была значительно шире. Снаружи изба и вовсе выглядела огромной, да и окна он заметил только у двух стен, что ещё раз подтверждало его догадку: где-то спрятана ещё одна комната. Морен видел в темноте лучше, чем обычный человек, но всё же не настолько, чтобы разглядеть детали, – он и окна-то обнаружил только благодаря лунному свету, что пробивался в щели между ставнями. Лишь подойдя к пустой стене и прикоснувшись к ней, Морен понял, в чём именно дело.

Это оказалось не дерево. Комнату разделяло на две части тяжёлое тканевое полотно. Оно шло до самого пола, и пусть Морен легко подхватил край, пришлось приложить усилия, чтобы

поднять его – ребёнок с таким бы точно не справился. Едва он подогнул его, как в нос ударил едкий трупный запах – ещё более сильный, чем ранее. С сожалением вспомнив об утраченных сапогах, Морен нырнул под полотно, оказываясь в соседней «комнате».

Теперь он знал, откуда шёл запах. Лес человеческих тел – вот как хотелось назвать это место. Освежёванные, со вспоротыми брюхами, лишённые внутренностей, как коровьи туши у мясника, подвешенные за руки под потолком мужчины и женщины, взрослые и дети. Половину из них высушили с солью, другие оказались завялены на солнце, но временами попадались и те, кого оставили просто гнить, – похоже, Яга предпочитала разнообразие в рационе.

«Без окон, без дверей, полна горница...» – некстати вспомнил Морен старую загадку.

Вдоль стен валялись мешки с крупой, мукой и солью, стояли ящики и сундуки с вещами, попадались седла, инструменты, посуда – всё то, что, вероятно, когда-то принадлежало торговцам и другим путникам, нашедшим свою смерть в лесу. По всей кладовой в маленьких чашечках лежали горстки порошковой смеси – Морен узнал по запаху тёртую полынь. Проклятые тоже не любили это растение, но мыши и крысы – куда сильнее.

– Эй! – услышал он приглушённый полотном голос Малы. – Куда ты делясь? Что происходит?

Морен бросил быстрый взгляд в её сторону, раздумывая, отвечать ли. Но девчонка уже подняла шум, так что если их могли услышать, то уже услышали.

– Я сейчас!

Успокоив её, Морен ещё раз огляделся. Детские тела висели здесь уже давно, если судить по их состоянию, так что Вадима среди них быть не могло, и тратить время на осмотр каждого не имело смысла. Куда важнее было найти дверь, окна, прогнившую стену – что угодно, что могло вывести их наружу. И дверь в самом деле нашлась. Подойдя к ней, Морен дёрнул её, не особо рассчитывая на успех, и, конечно же, та не поддавалась. Он попытался толкнуть её, ударил плечом – всё бесполезно. Никаких отверстий для ключа не наблюдалось, дверь не трогалась с места при попытках распахнуть её, и ничего не гремело с той стороны, как мог бы греметь замок. Так что оставался лишь один вариант: заперта она снаружи, причём ставнями.

«Я мог бы попытаться открыть её... Шансы малые, но есть». Вот только Морен не знал точно, сколько времени это займёт, а Яга могла прийти за ними в любую минуту. Даже будучи немощной старушкой, она оставалась проклятой, а значит, была опасна. Без оружия, в прямом бою, он мог с ней не справиться. Следовало подстраховаться.

Приняв решение, Морен вернулся к девочке. Та тихо плакала в своём углу, сжавшись в комочек. Присев перед ней, он тронул её за плечи – даже сквозь плотную льняную ткань ощущалось, какая она худенькая и как оцепенела от страха, стоило к ней прикоснуться.

– Всё хорошо, – как можно мягче заговорил он с ней, заглядывая в глаза. – Плакать ни к чему.

– Я думала, ты бросил меня.

– Я тебя не брошу. Я пришёл за тобой, помнишь? А сейчас расскажу, что мы будем делать, хорошо? Только слушай внимательно.

Она кивнула, выдавив из себя скулящее «угу».

– Сейчас я должен уйти в соседнюю комнату. Ты не будешь видеть меня, но, возможно, будешь слышать. Я не знаю, сколько это займёт времени, но я тебя не оставлю. Поняла?

– Угу.

– Всё это время, пока меня не будет, ты должна внимательно слушать. И если услышишь, как за этой стеной, – Морен кивнул за спину девочки, – что-то двигается или скрипит, если услышишь, как отворяется засов, ты должна будешь немедленно позвать меня. Хорошо?

– Как позвать?

– Можешь закричать, например, «проснись».

– Почему «проснись»?

Морен сжал её плечи чуть крепче.

– Потому что, когда Яга придёт в следующий раз, я буду притворяться спящим. А ты должна будешь пойти с ней.

– Но!..

Морен ясно почувствовал, как она задрожала, готовая впасть в истерику, и потому поспешил с ответом:

– Тебя она не тронет, а вот мне может причинить вред.

– Почему ты так думаешь?!

Она таки начала рыдать. Морен встряхнул её за плечи, чтобы успокоить, но Мала продолжала всхлипывать, а слёзы бежали по её щекам.

– Я знаю. Просто знаю и всё, хорошо? Не шуми, пожалуйста. Когда она заберёт тебя, мне нужно, чтобы ты не дала ей запереть дверь. Любыми способами. Вырывайся, плачь, борись, можешь притвориться, что потеряла сознание, но не дай ей опустить засов. Отвлеки её от него.

– А если она убьёт меня?

– Не убьёт. Она ведь сказала, мясо испорчено, значит, ей нет смысла...

– Я даже не знаю, что это значит!

– Успокойся, пожалуйста! – Морен начинал уставать от разговора. – Я обещаю, она не причинит тебе вреда. А если попытается, я вмешаюсь. Тут же. Я не позволю ей обидеть тебя. Но для этого ты должна не дать ей опустить засов и внимательно слушать, чтобы предупредить меня, когда она вернётся. Поняла меня?

Мала кивнула.

– Молодец. – Морен поднялся. – И ещё... Чтобы она ни предложила, ничего не пей и не ешь.

Уходя за завесу, он вырвал торчащую в стене стрелу и забрал её с собой.

Вернувшись к двери, первым делом внимательно осмотрел её. Уже начинало светать, и сквозь щели пробивался слабый свет – благодаря ему удалось разглядеть, на какой высоте расположен засов. Жаль, не получалось оценить его толщину и вес. Морен оглядел себя и срезал наконечником стрелы нити, что цепляли защитную пластину на бедре к штанам. Её он и вставил в зазор между стеной и дверью, аккуратно под засовом – получившийся рычаг оказался достаточно тонким, чтобы войти в щель, но недостаточно прочным, чтобы выдержать вес засова. Сколько бы Морен ни прилагал усилий, тот не сдвинулся с места, зато пластина начала сгибаться, обещая просто-напросто застрять. Морен остановился и глубоко задумался – ему нужно что-то крепче листа железа.

Он мог бы вспороть собственный плащ – в ворот были вшиты пластины из сплава, что делало их прочнее чистого железа. Они-то как раз служили для защиты шеи, а не для того, чтобы отпугнуть проклятого, решившего вонзить в него зубы. Но он не знал наверняка, достаточно ли они тонкие, чтобы втиснуть их в щель.

– Просыпайся!

Звонкий голос Малы вывел его из раздумий. Бросив свои ухищрения, Морен кинулся обратно. Нырнув под полотном, он упал на то же место и принял то же положение, в котором его оставила Яга. Накинул на босые щиколотки верёвку, наскоро обмотал вторую вокруг запястий. Замер было, но, вспомнив про ноги, накрыл их плащом, чтобы скрыть пропавшую защиту. Опустил голову и прикрыл глаза, притворившись спящим.

Лишь теперь, затихнув, он расслышал шорох отворяемого засова и скрип двери. В комнату ворвался свет, и раздались стучащие шаги Бабушки Яги.

– Пойдём, дитя, – голос её стал удивительно ласков. – Я накормлю тебя, умою...

– Нет! – закричала Мала. – Я не хочу!

– Ну что ты? Пойдём-пойдём... Не бойся меня. Ты уж прости, что тебе пришлось всё это пережить. Я всё тебе объясню. А сейчас пойдём: негоже тебе оставаться рядом с этим проклятым.

Морен приподнял веки. Яга наклонилась, чтобы развязать девочку, затем протянула руку и помогла ей подняться. Мала пусть и неуверенно, но приняла помощь. Яга разогнула спину и вдруг закричала и заохала, будто от боли. Сделав шаг к выходу, она вдруг схватилась за плечо Малы и промолвила:

– Помоги старушке.

И та послушалась – под руку вывела Ягу из комнаты и даже сама закрыла за ними дверь.

Морен тут же вскочил на ноги и бросился к ней. Он слышал, как заскрежетал засов и Мала воскликнула:

– Не запирайте его!

– Это почему же? – последовал вопрос Яги.

– Он... он... – девочка явно не знала, что сказать. – А если он хороший?

– Тогда боги помогут ему. Не так ли?

Мала не нашла, что ответить, и тяжёлый засов опустился, отрезав Морена от неё.

«Чёрт, нет!» – он выругался – в сердцах и мыслях, – едва удержавшись, чтобы не пнуть дверь. Прикрыл глаза, сделал несколько вдохов, заставив себя успокоиться, и стремглав кинулся ко второй двери.

Ещё на бегу Морен скинул плащ и, подхватив стрелу с пола, вспорол воротник наконечником. Извлёк пластину, попытался вставить её в щель, но та оказалась слишком узкой. Выругавшись уже вслух, он вернул в зазор первый рычаг и попытался снова. От его усилий пластина таки погнулась настолько, что застряла, а засов не сдвинулся с места. Морен поднялся и сделал несколько шагов по комнате, глубоко дыша: каждая минута промедления давила на него страхом за чужую жизнь, пробуждая панику. Поддаваться было нельзя. «Нужно сохранить ясный ум», – твердил он себе. Но какой смысл?!

Разозлившись на самого себя за бессилие, он со всей дури приложился плечом о дверь. А затем ещё и ещё, не столько надеясь выбить её, сколько желая выпустить пар. Дверь сотрясалась от его ударов. С потолка на лицо упал маленький паук. Морен стряхнул его и ударил дверь ещё раз: что-то за ней скрипнуло, и пластина со звоном упала на пол.

«Может, теперь получится». Морен сразу сообразил, что произошло. От времени засов, наверняка покрытый мхом и почти сросшийся с дверью, мог попросту застрять. Теперь же под ударами он сдвинулся с места, и есть шанс, что всё пойдёт куда легче. Морен отпорол новую пластину с голени – поменьше размером – и просунул её. Надавил, и засов поддался.

– Ха! – выдохнул он, не в силах произнести что-то большее от восторга.

Пришлось приложить ещё немного усилий – засов оказался не так уж и тяжёл, но сама задача потребовала определённой ловкости, – и в конце концов он сумел поднять засов достаточно высоко, чтобы тот выпал из пазух. Подобрал с пола плащ, Морен накиннул его на себя и распахнул дверь.

Сразу за порогом начиналась крепкая рубленая лестница, сделанная из того же дерева, что и сам дом. Морен спустился по ней и обернулся – то оказался главный вход, «парадное» крыльцо, расположенное, как и полагалась у домовин, со стороны леса, отворачивая её от села.

Яга очень ловко уводила внимание, этого у неё не отнять. Тропа, освещённая факелами, не только направляла туда, куда ей было нужно, но и скрывала от глаз то, что находилось за её пределами. Наверняка и еду она предлагала столь настойчиво, чтобы отвлечь его от котелка на огне – ведь главная опасность пряталась именно в нём.

«Она очень умна, так просто её не убить». Морен и прежде это понимал, но лишь сейчас осознал, насколько был прав.

Дом он обежал через лес, надеясь, что так не попадётся на глаза. К счастью, лошадь оказалась на месте – стояла, привязанная к тому самому дереву, у которого он её оставил. Седло и уздечка были на ней, а вот седельные сумки пропали, как и все остальные вещи.

– Проклятье! – выругался Морен уже в третий раз.

С соседнего дерева спорхнул и опустился к нему на плечо Куцик. Прошелестев перьями по щеке Морена, прокричал его голосом:

– Проклятье!

– Рад, что ты в порядке, – бросил тот в ответ, погладив птицу по шее.

Поняв, что остался без оружия, Морен начал размышлять, как быть дальше. Да, при нём всё ещё ручной арбалет, но им он мог лишь ослепить, а не убить – для этого обычно его и использовал. Осложнялась ситуация ещё и тем, что он понятия не имел, насколько Яга сильна. В её притворство немощной он ни минуты не верил, но ни с одним проклятым не стал бы сражаться голыми руками: тем обычно хватало силы, чтобы рвать людей на части даже без клыков и когтей. Стоило что-нибудь придумать.

Морен обежал глазами лес, растущие у границы опушки цветы да травы и задумчиво произнёс:

– Придётся прогуляться.

Перед Малой стояло множество яств. На тарелках аппетитно поблёскивали жиром пирожки и блины, в мисках поменьше – ячменная каша и перловая с салом. Прямо посреди стола, как главное блюдо, возвышался глиняный горшок, наполненный доверху мясной похлёбкой со щавелем, а на десерт ей предложили чёрные лесные ягодки, похожие на смородину. Бабушка Яга разлила по чашкам ароматный настой из трав, в котелке на огне побулькивала ещё одна похлёбка, над столом вился пар от только что приготовленных угощений, и всё так ароматно пахло! Есть хотелось нестерпимо, живот урчал, но пока Мала не решалась ни к чему притронуться.

– Зачем вы меня заперли? – спросила она у Бабушки Яги.

Та, прихрамывая и кряхтя, подошла к сундуку и с удивительной лёгкостью подвинула его, загораживая дверь, за которой остался Скиталец.

– Я проверяла тебя. Насколько доброе у тебя сердце, есть ли в нём злоба и чернота. Ты должна была пережить страх и лишения, чтобы проявить себя. Ты могла бы проклинать меня, сговориться против меня со злом, но не сделала этого. Значит, твоё сердце чистое. Ты выдержала испытания.

– Со злом?

– С проклятым, что выдаёт себя за человека. К счастью, благодаря тебе мы смогли запереть его.

Мала потупила взгляд: стыд жёг ей щёки, но не хватило духу признаться, что она почти поверила Скитальцу.

В действительности тот пугал её. О нём рассказывали страшные вещи: мол, живёт он уже много лет, а нрав и сила у него звериные. Лицо же прячет потому, что и не человек вовсе, а волколак или кто похуже, и под маской у него пасть, полная здоровенных клыков. Про Бабушку Ягу она же, наоборот, слышала только хорошее. И даже сейчас та хлопотала над ней: принесла тазик с водой, чтобы умыться, угощала вкусными на вид и запах блюдами, была всячески добра и приветлива. А стоило Мале вспомнить, что её посчитали достойной, как душа согревалась от гордости.

– А как же Вадя? – поинтересовалась она робко.

Бабушка Яга опустила голову, будто в скорби, помолчала немного, прежде чем ответить:

– Сердце воина чёрствое. Я уже ничего не могла сделать, ничем не могла ему помочь.

Она распахнула сундук и достала оттуда ткань необыкновенной красоты. Багряная, как заря, вышитая золотыми и серебряными нитями, что создавали причудливый узор, – последний сверкал, будто на нём плясали солнечные зайчики. Мала охнула, не в силах скрыть своего восторга.

– Я одарю тебя в благодарность, – улыбаясь, поведала ей Бабушка Яга. – Тканями из Заморья, шелками из горных долин, камнями, мехами и золотом. На границе опушки уже стоит бравый конь, который поможет тебе добраться до дома и увезти всё это с собой. А сейчас кушай, тебе надо набраться сил.

Мала слушала, как заворожённая, и с открытым ртом любовалась дарами, что Бабушка Яга доставала из сундука: рулоны красочной яркой ткани, ожерелья, будто полностью сделанные из камней, блестящие соболиные шкурки, горсти серебряных и золотых монет... Когда восторг чуть утих, она украдкой взглянула на стол и, пока Бабушка Яга не смотрела, взяла из миски несколько ягод и отправила их в рот. Ну какая беда могла случиться от пары ягодок?

Яга вдруг замерла, насторожилась. Принюхалась и зашлась кашлем. С удвоенной ловкостью протопала она к котелку, наклонилась и втянула носом идущий от него пар. Подняла голову, шумно раздувая ноздри, как собака. Каждый вздох давался ей всё тяжелее, пока дыхание не перешло в свистящий хрип.

– Видишь дым? – резко и даже грубо спросила вдруг Бабушка Яга.

Мала, успевшая к этому времени съесть ещё несколько ягод, бросила зажатую в ладони горсть обратно. Вжалась в табурет, испуганная столь резкой переменой тона, но вгляделась в пространство комнаты. В самом деле воздух показался ей густым, тяжёлым, заполненным дымкой, как от костра.

– Да, вижу.

– Так откуда же он?!

Яга потеряла терпение – дышать ей становилось всё тяжелее. Прикрыв нос платком, она затопала к ставням, но, когда распахнула их, дым ворвался в комнату, ударив прямо в лицо. Всё вокруг тут же окутала сизая пелена. Яга зашлась в тяжёлом удушающем кашле, а Мала никак не могла понять, что происходит. Дым и ей щипал глаза, но и только. Она было бросилась помочь Бабушке, но стоило ей ступить на пол, как комната поплыла, а стены заходили ходуном.

– Ой! – вскрикнула Мала. – Что происходит? Почему дом качается?

«Наверное, он ожил и решил уйти от огня», – подумалось ей, и эта мысль странным образом её развеселила.

Яга, продолжая кашлять, упала на колени. Лицо её покраснелось, как от ожогов. Не в силах вдохнуть, хрипя на каждый вдох, она драла когтями грудь, стаскивая шали на пол, пока пыталась поползти до люка. Дрожащими руками подняла дверцу, готовая вывалиться наружу, и там-то Морен её и ждал. Правая его рука уже была вскинута, а левая сжимала запястье. Раздался щелчок арбалетного затвора, и вырвавшаяся стрела угодила точно в правый глаз.

Яга отпрянула, схватилась за лицо, взыв нечеловеческим голосом. Скрежет металла и скулёж добываемой собаки – вот на что это было похоже. Подпрыгнув, Морен ухватился за края люка и, подтянувшись, поднялся в дом.

Мала сидела под столом, зажав уши и съезжившись комочком. Пока Яга каталась по полу, держась за выколотый глаз, и истошно визжала, Морен махнул девочке рукой, призывая к себе. Мала долго не решалась покинуть убежище – она бросала беспомощные перепуганные взгляды на Бабушку Ягу, точно хотела помочь ей. Но когда Морен, перекрывая вопли Яги, крикнул ей: «Давай же!», она выбралась из-под стола и просеменила к нему.

Он на бегу поймал её под мышки и помог спуститься через люк. Мала убежала, и Морен мог больше не беспокоиться о ней. Дым, что проникал сквозь щели, запахнутые и распахнутые ставни, теперь медленно уходил в открытый люк. Морену и самому дышалось в нём тяжело:

каждый вдох обжигал огнём лёгкие, а открытые участки кожи горели крапивным жаром. Его спасали маска и закрытая одежда, да только он знал, что долго так не протянет. Но всё равно захлопнул дверцу люка, чтобы дым и дальше наполнял комнату. Обежав её взглядом, он нашёл свой меч, прислонённый к стене там, где некогда стоял сундук. Морен бегом кинулся к нему и, едва взяв в руки, вынул из ножен.

– Чем здесь так пахнет?!

Яга больше не каталась по полу – спрятав голову руками, она сжалась на полу и покачивалась из стороны в сторону.

– Зверобой. Я разложил его под окнами и поджёг.

– Ублюдок... Тварь... Сукин сын! – она выла, кричала и проклинала его, баюкая изуверное лицо.

Морен не спешил нападать – её муки могли быть очередным притворством – и не прогадал: когда Яге надоело ждать, она вскочила, вывернувшись из своего кокона и в один прыжок встала на ноги. Выпрямившись во весь рост, она рвала и стягивала с себя платки и юбки – тонкие пальцы обросли птичьими когтями, что легко раздирали ткань. Один глаз закрылся навсегда – по лицу её всё ещё текла тёмная, словно бы чёрная кровь, – но второй, распахнутый, горел насыщенным алым. Когда она сорвала последнюю верхнюю юбку, оставшись лишь в рваном платье, стало ясно, что именно так стучало при её шагах. Там, где должны были быть ноги, из-под подола выглядывали две пары острых, как у рака, конечностей, покрытых жёстким панцирем. Одна пара была поджата, и лишь теперь она опустила её, встав на все четыре лапы. Выпрямив их и перестав горбиться, она возвысилась над Мореном в половину его роста.

Схватившись за ворот платья, Яга разорвала его пополам, до самого живота, и сбросила с худых, покрытых сморщенной кожей плеч. Остатки ткани ещё скрывали нижнюю часть её тела, но теперь взору Скитальца предстала суть её порока. Меж рёбер и отвисших грудей, от ключиц до самого живота, тянулась огромная пасть, полная острейших зубов. Последние шли в несколько рядов, и каждый из них смыкался и размыкался независимо от других.

Явив своё истинное обличье, Яга вскинула когтистый перст и, указав на Морена, прокричала:

– Ты – проклятый!

– Как и ты.

Морен выставил меч перед собой, готовый к бою.

– Ты станешь моим праздничным обедом!

Она бросилась на Морена со всех ног. Он ждал её приближения и, как только Яга ударила когтями, пригнувшись, ушёл влево – туда, где она не могла увидеть его слепым глазом, – и ударил мечом снизу вверх. Яга взревела от боли, чёрная кровь окропила пол, а раненая кисть повисла куском мяса – он не сумел отрубить её, но надрезал сухожилия.

– Ублюдок!

Её крик ударил по ушам. Озверевшая, она резко развернулась, тут же нанося удар, – Морен едва успел отступить назад, и сразу же последовал ещё один удар, более быстрый – когти полоснули грудную пластину, почти достав. Яга наседала, а Морен едва успевал отбивать удары и отступать, встречая её когти клинком. Но каждый раз приходилось делать шаг назад, пока спина не упёрлась в стену. Морена прошиб холодный пот. Он оказался зажат, отступить было некуда. Когда Яга замахнулась, он не придумал ничего лучше, чем в последний момент вскинуть меч, выставив лезвие, как щит.

Яга не успела остановиться – её удар пришёлся на заточенный клинок. Она взревела от боли, лезвие вошло в ладонь – недостаточно глубоко, чтобы отрубить, но достаточно, чтобы замедлить. Морену хватило этой заминки, чтобы уйти влево. Но второй раз приём не сработал. Когда он нанёс удар, целясь в тощий бок, Яга ударила его по ногам одной из конечностей.

Морен не удержал равновесие, и лезвие лишь полоснуло её: длины меча не хватило, чтобы нанести более глубокую рану.

Яга вскрикнула, схватилась за бок, и Морен воспользовался её замешкой, чтобы встать на ноги. Когда Яга развернулась к нему, тяжело дыша от гнева, он, готовый защищаться, уже поднял меч. Здоровый глаз Яги обежал комнату, она схватила с огня кипящий котелок и бросила его в Морена.

Он всё ещё был босой. Даже если увернётся, кипяток ошпарит ноги – это он понял сразу. Отбив котелок мечом, Морен упал назад, на открытый сундук – больше и деваться-то было некуда. Спина и плечи тут же отозвались болью: падение вышло не самым удачным. А Яга уже нависла над ним и занесла для удара одну из ног.

Комнату огласил птичий крик. Куцик влетел во всё ещё распахнутое окно и накинудся на Ягу. Он рвал её лицо когтями и клювом, пытался выклевать оставшийся глаз, пока Яга истошно кричала, стараясь отбиться одной рукой. Морен вывалился из сундука. Вода залила почти всю комнату, она всё ещё оставалась горячей, но уже хотя бы не обжигала. Морен зарядил арбалет, вскинул руку и крикнул:

– Куцик, прочь!

Птица вспорхнула под потолок, и Морен выстрелил – Яга успела прикрыть лицо, и стрела вонзилась ей в руку, проткнув насквозь.

– Быстрый, – бросила она как оскорбление. – Проклятый!

Морен не отвечал: он думал. Пол теперь был залит водой, и продолжать бой, размахивая мечом, сродни самоубийству: босиком он мог легко поскользнуться. Плечи и лицо Яги Куцик расцарапал в кровь, и, будь у него больше времени, наверняка добрался бы до глаза, но Морен не мог его использовать: слишком опасно. А ещё он заметил, что дышать стало значительно легче, да и Яга уже не хрипела на каждый вдох. Зверобой догорел, и дым постепенно рассеивался.

– Зачем нам сражаться? – спросила она вдруг. – В тебе течёт та же кровь, что и во мне. Местные любят меня. Я им нужна.

Всё звучало так, будто она осознала, что проиграет, и теперь пытается договориться с ним. Но Морен не обольщался, скорее всего, она тянула время в попытке отдышаться – он видел, как постепенно затягивается рана на её боку. Медленно, но куда быстрее, чем у человека или зверя.

– Ты убивала их детей, – Морен тоже решил воспользоваться передышкой. Заговаривая Яге зубы, он отвёл руку с зажатой в ней стрелой за спину, ища наощупь спрятанные за поясом цветы.

– Они сами посылали их ко мне. Нежеланных выродков, голодных нахлебников, никому не нужных сирот! Мне приносили младенцев и отправляли ко мне голодные рты, которые не могли прокормить. Ты даже не представляешь, сколько обездоленных семей нуждались во мне после Чёрного Солнца. Я давала им утешение! Ты что же, хочешь отнять его у них?

– Говоришь складно. – Морен зарядил арбалет. – Но я тебе не верю.

Он вскинул руку, и Яга тут же ушла в сторону. Выстрела не последовало, Морен выбрал другую цель и, лишь когда обманка сработала, выпустил стрелу. Та угодила в догорающий очаг, потревоженные угли вспыхнули, и пламя охватило нанизанные на древко колючки сухого чертополоха. Едкий дым тут же поднялся в воздух.

Пока трава разгоралась, Яга не стояла на месте. Она кинулась на Морена, но теперь пыталась достать не когтями, а теми конечностями, что служили ей опорой. Пытаясь проткнуть ими противника, она наносила удар за ударом. Морен едва успевал отбиваться. Один он таки пропустил – костяная нога ударила его в грудь, отбросив на несколько шагов назад. Пластина защитила от перелома, но на ней осталась глубокая вмятина, а сам он не устоял на ногах. Яга бросилась на него, чтобы добить, но Куцик вновь пришёл на помощь – налетев сзади, он

полоснул её когтями по спине. Вскрикнув, она остановилась, а Морен успел вскочить на ноги и крепче сжать меч. Но вместо того чтобы продолжить нападать, Яга подняла визг:

– Что за дрянь?!

Морен сразу понял, о чём она, – ядовитый для проклятых дым чертополоха жёг глаза и лёгкие. Морен и сам чувствовал, как бегут слёзы по щекам, и видеть из-за них и боли становилось всё тяжелее. Поэтому он так не любил эту траву. Но Яге было куда тяжелее: дым жёг ещё и открытые раны, слизистые, а значит, и зубастую пасть на её груди. Достав из-за спины оставшиеся стебли, Морен щёлкнул над ними пальцами – сухие, они тут же вспыхнули, – и едкий дым заполнил комнату, заставив его закашляться.

Взвыв, Яга метнулась к люку. Не в силах ждать, она раздробила дверцу, пытаясь скорее выбраться. Кинув траву на пол, в воду, Морен бросился к ней и в три шага оказался рядом, со стороны слепого глаза. Широко замахнулся и одним рубящим ударом завершил бой.

Верхняя половина тела проклятой отделилась от нижней, шмякнувшись об пол. Нижние конечности так и остались в разломанном люке, но Яга всё ещё была жива. Она отползала к стене, таща по полу остатки тела, и скулила от боли.

Морен уже почти ничего не видел – глаза слезились, – и приходилось прилагать усилия, чтобы разглядеть хоть что-то. Схватив со стола первую попавшуюся кружку, он вылил её содержимое в очаг, потушив его. И только после этого пошёл к Яге. Та уже добралась до угла, забилась в него и перевернулась на спину, чтобы видеть Скитальца.

– Зачем? – плаксиво, надрывая голос, взывала Яга. – Зачем ты убиваешь таких, как ты?!

– Я не такой, как ты.

Голос Морена тоже хрипел – растения, что он использовал, травили и его. Взмахнув мечом, он отсёк Яге голову, прекратив вой.

Дышать после жжёного чертополоха было чертовски тяжело. Куцик сидел на единственном открытом окне, Морен распахнул остальные. Прошёлся по комнате, внимательно всё осматривая и по ходу собирая свои вещи. Открыл все двери и ставни, сорвал полотно, чтобы утренний свет ворвался в комнаты, но так и не нашёл каморки, чердака или какой-нибудь потайной ход. Ни одного угла, где Яга могла бы держать живого мальчика, а детских вещей в её запасах хранилось предостаточно – Морен не смог бы сказать точно, кому они принадлежали.

Когда он вернулся в гостевую, Куцик опустил к нему на плечо и прокричал голосом Матвея:

– Если с Вадюшей что-то случится!

– Я знаю, – шепнул Морен.

Взгляд его упал на обеденный стол. Подойдя к нему, он взял из миски несколько пирожков и разломал их. Все они были с мясом, но мелко рубленным. Одну из чаш доверху наполнили чёрные ягоды красавки, блины и каша его не интересовали. Зато в самом центре стоял большой глиняный горшок с половником. Морен заглянул в него: мясная похлёбка со щавелем и грибами. Опустив половник на самое дно, он зачерпнул гущу, поднял её на поверхность и замер.

Яга сварила похлёбку на детских рёбрышках.

Солнце уже почти взошло над лесом, когда Морен выбрался из избы с серым свёртком в руках, сделанным из шали Бабушки Яги, и своими же седельными сумками. Куцик восседал у него на плече и, как всегда, вертел головой, ловя каждый случайный звук: от птичьих трелей до хруста веток и лошадиного фыркания. Факелы почти догорели, и лишь угли тлели в пустых глазницах черепов, указывая путь. Поляну окутал прозрачный утренний туман, что приятно охладило обожжённую кожу, и казалось, весь мир ненадолго замер, дабы отдышаться

перед долгим днём. Но Морен с трудом мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя настолько опустошённым.

Малу он нашёл на окраине леса – она гладила спутанную гриву его кобылы, расчёсывала её пальцами и хихикала себе под нос. Когда Морен спросил, как она себя чувствует, Мала с широкой улыбкой протянула: «О-о-о!», и засмеялась. Её реакция ему не понравилась.

– Я видела, как изба ходила по поляне! На курьих ножках, представляешь? – спросила она, заливаясь смехом.

Морен привязал свёрток к седлу и закинул на лошадиный круп сумки. Освободив руки, он поймал лицо девочки в ладони, повернул его к солнцу и нахмурился. Зрачки её были расширены и не подумали сужаться, когда он вывел её из тени.

– Ты что-то съела?

Мала наморщила носик и вырвалась из его рук.

– Ну, съела. Пару ягодок всего. Я есть хочу! А у тебя перчатки противные: мокрые и воняют!

Морен хмыкнул и повернулся к лошади.

– А где Бабушка Яга? – источая возбуждение и бодрость, спросила Мала. – Вы с ней договорились?

Отвечать Морену не хотелось. Он закрепил сумки, проверил седло, отвязал поводья. Когда всё было готово, снял перчатку и протянул девочке руку, но та и не подумала давать свою.

– Я помогу тебе забраться в седло, – объяснил он терпеливо.

– Не хочу с тобой ехать! – она сложила руки на груди. – Это мой конь, мне его Бабушка Яга подарила!

В любой другой ситуации Морен, вероятно, разозлился бы. Но сейчас он был слишком подавлен, устал, да и понимал, что Мала наелась красавки, потому и ведёт себя так. Вместо того чтобы спорить, он подхватил её за талию, оторвал от земли и закинул себе на плечо. Куцик любезно спорхнул, уступив место. Мала тут же принялась кричать, бить его по спине, вырваться и не прекратила, даже когда он усадил её в седло и запрыгнул следом, устраиваясь позади.

– Не дёргайся, а то свалишься, – предупредил её Морен, натягивая поводья.

Только тогда она затихла, и он погнал лошадь галопом.

Ещё на подъезде к деревне его взгляд привлекли кони при полном снаряжении, ожидавшие всадников. Морен почувствовал дурное – в Закутье прибыли гости, и ему оставалось лишь надеяться, что не по его душу. А сразу за воротами, на главной дороге, собиралась толпа. Кто-то заметил их ещё издали, и навстречу вышло, казалось, всё поселение. Люди расступались перед Скитальцем, но всё равно толпа оставалась такой плотной, что не протолкнуться. Староста вышел вперёд, а следом за ним и Матвей в сопровождении личной свиты. Но стоило Морену остановить лошадь, к ним, расталкивая деревенских, прорвалась Марфа.

– Малуша! Доченька!

– Матушка! – откликнулась на зов счастливая Мала.

Морен выбрался из седла и спустил девочку на землю. К тому часу, когда они добрались до селения, яд красавки уже отпустил её. Мала кинулась навстречу матери, и та, опустившись на колени, приняла её в свои объятия. Плача, она неистово покрывала лицо и ручки дочери поцелуями, то и дело повторяя:

– Жива, здорова, вернулась!

– Я была у Бабушки Яги, – сообщила ей Мала. – Она хотела одарить меня, представляешь?

Морен отвернулся от них и обратился к старосте. На Матвея он старался не смотреть – не хватало духу.

– Не показывайте это детям.

Он отвязал свёрток и бросил его точно в руки главы поселения. Староста поймал его и сразу же развернул, но увидев, что внутри, вскрикнул от ужаса и выронил из рук. Отрубленная голова Бабушки Яги покатила к ногам Матвея. Толпа ахнула, зашумела, те, кто был ближе всех, отпрянули, а Мала истошно закричала. Как бы Марфа ни пыталась отвернуть её голову, закрыть глаза или увести дочь, та вырывалась, рыдала и всё продолжала кричать:

– Он убил Бабушку Ягу!

По толпе прокатился стон, так похожий на стон боли. Кто-то охал, кто-то кричал: «Как же так?!», другие спорили, обсуждали, переспрашивали, не веря в услышанное. Люди шептались, толпа зашевелилась, многие пытались подойти ближе и посмотреть, тут и там звучало: «Неужто правда?» С каждым словом гул голосов становился всё громче, будто кипящая вода в закрытом котле. Морен прожигал взглядом старосту. На его лице так и читалось: «Я же просил!», но глава деревни не замечал ничего вокруг. Бледный, оцепеневший, он не мог отвести широко распахнутых глаз от заляпанной чёрной кровью головы. Мала рыдала на груди у матери. А Морен ловил выкрики и шепотки из толпы:

– Он нашу богиню убил!

– Что же теперь будет?

– Кто теперь защитит нас от проклятых?

– Кто будет провожать мёртвых?

– Они останутся здесь, будут скитаться и душить живых!

– Как нам теперь жить?

– Кто его вообще позвал?!

Куцик щёлкнул клювом – он нервничал, чувствуя недовольство толпы, что росло с каждым людским словом.

– Она убивала и ела ваших детей! – Морен повысил голос, чтобы каждый услышал его, но смотрел по-прежнему только на старосту. – Она никогда не была богом, вы же видите, у неё тёмная кровь. Найдите её избу в лесу и сами во всём убедитесь.

– Где Вадим?

Это был Матвей. Такой же бледный, как и глава поселения, он поднял на Морена тяжёлый взгляд. Пусть он и молчал до сих пор, но один его вопрос ранил сильнее, чем все обидные выкрики толпы. Потому что Морен не знал, что ему ответить.

– Я... я не успел, – выдавил он из себя. Язык не слушался, и голос подвёл, надломившись. Матвей растянул губы в кривой болезненной усмешке.

– Ну да... – произнёс он с едкой горечью. – Ты ведь проклятых убиваешь, а не людей спасаешь. Так ты тогда сказал?

Слова ударили, как пощёчина. Тогда, в кабинете епархия, Морен лишь хотел поставить Матвея на место, теперь же случайно брошенная фраза обернулась против него. Уже много лет он не ощущал себя настолько паршиво. Словно хватаясь за последнюю нить, Морен снова взглянул на старосту, но тот покачал головой, так и не поднимая взгляда.

– Я говорил, тебе тут не будут рады.

Шум толпы становился всё громче и уже звучал как угроза. Каждый хотел, чтобы Скиталец услышал придуманное им оскорбление, порой премерзкое, грязное. Морен поспешил забраться в седло, и в этот момент кто-то бросил в него камень. Тот угодил в лошадиный круп, и гнедая тут же встала на дыбы. Толпа отпрянула – люди будто бы ждали, что он нападёт на них. Но едва Морен успокоил лошадь, кто-то бросил ещё один камень, и его труды пошли прахом.

– Убирайся из моего края, пока я не приказал спустить на тебя собак! – во всю глотку рывкнул Матвей.

Куцик нервно щёлкнул клювом, расправил крылья. Морен развернул лошадь и сразу же сорвал её с места, спеша убраться отсюда. В спину прилетел ещё один мелкий камушек, а когда он выехал за ворота, то ясно слышал, как ему кричали вслед:

– Убирайся отсюда, проклятый!

Невидящие очи

320 год Рассвета

Царь Медис был слеп. Его глаза скрывала маска из чистого золота, что составляла с коронной единое целое и закрывала половину лица, подобно забралу. Узнав, что на порог его дома явился Скиталец, он не стал прогонять его или даже спрашивать, зачем тот пожаловал. Вместо этого царь приказал устроить пир и пригласил его к столу, как дорогого гостя. Его – изгоя, которого боялись и люди, и проклятые, – он посадил по левую руку от себя. Уже давно никто не принимал Морена с таким радушием. Глубокий старик с иссохшими трясущимися руками, тонкими и редкими белоснежно-седыми кудрями, с кожей настолько сухой и дряблой, что казалось, она отвалится от него, если прикоснуться, Медис всё время улыбался и говорил по-ребячески живо и бодро, сохранив ясный ум.

– Есть ли у вас имя? – поинтересовался он. – Или друзья тоже зовут вас Скиталец, точно собаку?

– Морен.

– Мо-рен, – протянул царь, словно пробуя имя на вкус. – Приятно слышать, что вы не отрицаете наличие друзей. Так вы больше человек, чем проклятый?

– Каждый считает по-своему.

Длинный стол был полон гостей, но царь не посчитал нужным представить их. Морен рассудил по одеяниям, что это приближённые к короне дворяне. Они вели разговоры между собой и почти не обращали внимания на правителя, лишь иногда искоса и с любопытством поглядывали на его гостя. Два кресла по правую от Медиса руку пустовали. Слуги исправно ставили перед ними тарелки с едой и меняли их, когда приходило время, хоть никто и не призрагивался к ним. Ни гости, ни Медис не обращали на пустующие места никакого внимания. Все словно ждали кого-то, кто никак не приходил, но чьё опоздание считалось естественным порядком вещей.

Морен и за столом не снимал свою маску – та уходила под ворот рубахи и закрывала не только нижнюю часть лица, но и шею до самых ключиц. Так она сидела плотно и не задиралась во время боя. Вытянув нижний край, Морен приподнимал и удерживал её второй рукой, когда подносил ложку ко рту.

– Она вам не мешает? – спросил его вдруг Медис.

Морен поднял на царя изумлённый взгляд и ещё раз взгляделся в украшение на его лице. Из-под огибавшей переносицу маски выглядывала тонкая хлопковая лента, по-видимому, закрывавшая рану на месте глаз. Лицо Медиса было обращено к нему, но не оставалось сомнений: даже не будь царь слеп, за золотом и тканью на лице он ничего не мог видеть.

– Вы имеете в виду?.. – осторожно уточнил Морен.

– Ваша пасть. Я слышал много рассказов и историй про вас. Одни говорят, будто бы вы питаетесь человечинной, чтобы на время получать силу проклятых. Другие, в частности Единая Церковь, утверждают, будто бы вас послал нам Единый Бог и вы едва ли не сын его. Но чаще всего я слышу историю, что вы и сам проклятый. Что в День Чёрного Солнца ваша кровь почернела, мышцы раздулись и вы получили силу десятерых мужчин, но заплатились за неё лицом. Зубы ваши удлинились и превратились в клыки, челюсть вы сомкнуть не смогли, и кожа на щеках разорвалась, превратив ваш рот в пасть. Её-то вы и прячете за маской.

– Да, я слышал об этом, – не стал отпираться Морен. – Ещё говорят, будто бы этой пастью я могу заглотить целиком живую кошку и не поморщиться.

Медис рассмеялся. Громко, запрокидывая голову, сотрясаясь всем телом. Многие за столом прекратили разговоры, чтобы обернуться и посмотреть на царя, но, когда он успокоился, отвернулись, как ни в чём не бывало.

Медис смахнул несуществующие слёзы со щёк.

– Какую только ерунду не говорят глупые люди. Будь это так, вряд ли бы вы смогли вести со мной светскую беседу. Дайте угадаю... Вы здесь из-за слухов, которые ходят вокруг меня?

– Не стану вам лгать. – Морен не желал того совершенно искренне – этот старик удивительным образом располагал к себе. – Кое-кто из ваших приближённых считает, что вы в сговоре с проклятыми или даже один из них.

– Чушь! – Медис громко фыркнул. – Необразованные невежды! По-вашему, я похож на проклятого?

Морен посмотрел на него внимательно, пристально, точно и сам желал убедиться в своих выводах, а затем уверенно произнёс:

– Нет. Но я не получил бы деньги, не приехав к вам, чтобы убедиться лично.

– Что ж, убеждайтесь сколько влезет. Вы мой гость. Вам хватило ума и чести прийти ко мне и сказать обо всём в лицо, в моих же интересах не мешать вам... расследовать, – Медис поморщился, вложив всё своё неприятие в это последнее слово. – Я прикажу подготовить вам комнату. Оставайтесь на три дня. Надеюсь, этого времени вам хватит?

– Более чем.

Угощение на пиру было скромным, хоть и весьма вкусным. Запечённый хлеб с мясом внутри, грибная похлёбка со сливками, лук, зажаренный в тесте, худой поросёнок с яблоками в меду. Глядя на последнего, Морен не мог избавиться от мысли: если такого подают к царскому столу, что же тогда достаётся простым крестьянам?

Несмотря на свою слепоту, Медис не нуждался в помощи. Он тянулся к блюдам, безошибочно выбирая нужные, ломал и накладывал себе хлеб, посыпал мясо зелёным луком, точно зная, где что стоит и лежит. Даже приступив к похлебке, он не искал ложку по столу, а уверенно взял с отведённого ей места. Впрочем, в выверенных за годы привычках Морен не нашёл ничего удивительного.

– Так вы знаете, почему именно ваши приближённые считают, что вы опасны? – спросил он Медиса между переменой блюд.

– Конечно! Я, может, и слепой, но не идиот. А ещё я умею слушать, когда они говорят мне, даже если не согласен с ними. – Медис склонил голову, помолчал немного и заговорил тише, точно делился тайной только для них двоих: – Мой край голодает. – Морен уловил в его голосе затаённую боль. – Людям не хватает пищи. Наши земли не плодородные, мы выращиваем скот, ловим зверей на мясо и шкуры. Но в последние годы скотина дохнет, дичь уходит из лесов, а проклятых вокруг становится всё больше. Они пожирают наших овец, распугивают оленей, не дают людям жить! Откуда, по-вашему, они берутся? – вдруг переменял он тон, заговорив как прежде.

– Часть из них: животные и люди, обращённые в День Чёрного Солнца. Другие – все, каждый, кто появился после, – люди и звери, поддавшиеся сильным порочным чувствам. Гнев, похоть, алчность... Когда они завладевают человеком, то отравляют его, точно скверна, пробуждая Проклятье. Говорят, оно есть в каждом из нас, главное – не дать ему пробудиться.

Медис «смотрел» прямо на него, словно знал, куда смотреть.

– Хотите сказать, что убиваете людей?

– К сожалению.

– Чушь! – взмахнул он руками. – Вы не похожи на убийцу, Морен. Вот что я вам скажу: проклятые – обычные животные, звери. Да, они появились вслед за Чёрным Солнцем, никто не может этого отрицать, но они всего лишь звери. Крупнее и агрессивнее прочих, согласен, но медведь тоже крупнее и злее собаки. А то, что говорите мне вы, мол, проклятым может стать любой, кто поддастся ярости или другому пороку, – всего лишь легенда, придуманная единоверцами. Придуманная, чтобы мы славили их бога и боялись. Придуманная, чтобы про-

будить в нас кротость, чтобы вести нас подобно стаду овец. Ведь кто может быть покорнее, чем праведные из страха, что их покарают за гнев? А? Скажите мне!

– В ваших словах есть доля истины, и я не стану оспаривать её. – Морен и сам искренне желал, чтобы сказанное Медисом когда-нибудь стало правдой. – Но я видел, как порок и Проклятье, следующее за ним, пожирают человека. Видел, как тот теряет всё человеческое и обращается...

– В чудовище? – перебил его Медис. – Для этого его достаточно напоить.

– Вы не верите мне, – сказал Морен устало, не спрашивая – утверждая.

– Я не хочу вам верить. Удовлетворит ли вас такой ответ?

– Более чем какой-либо другой.

Их спор окончился ничем, но не оставил осадка. К столу подали сладкое – малину, политую молоком и щедро посыпанную сахаром. Поднеся ложку ко рту и учуяв запах, Медис поморщился и жестом подозвал слугу.

– Мальва не любит малину. Принеси что-нибудь другое!

Тот поклонился и покинул зал, не задавая вопросов. Спустя несколько минут у одного из пустующих мест забрали тарелку с ягодным лакомством и на его место поставили запечённые в меду груши.

После пира Медис лично проводил Скитальца в отведённые ему покои и покинул его со словами, что в старчестве полюбил ложиться как можно раньше. Морен не смел возражать – его и так почтили бóльшим вниманием, чем он заслуживал. Медис не был его царём, но являлся правителем пусть и малого, но всё-таки царства, и Морен ощущал себя неловко, беседуя с ним на равных.

Не прошло и получаса, как в его комнату ворвались, не посчитав нужным постучаться. Долговязый мужчина, облачённый в бордовый кафтан, – Морен уже был знаком с ним. Именно Бранимир обратился к Единой Церкви, чтобы найти его и пригласить во владения Медиса. Сейчас же, отбросив приветствия и другие прелюдии, положенные по этикету, он заявил буквально с порога:

– Вы выяснили что-нибудь?

И ведь не спрашивал – требовал. Морен невольно подумал, что когда Бранимир просил его об услуге, то был куда более вежлив.

– Я только приехал. И нет, Медис не проклятый, если вы об этом.

– Уверены? Я слышал неоднократно, многие проклятые сохраняют человеческий разум.

– Да, но теряют человеческий облик. Даже если Медис – новый, неизученный вид, проклятые не могут контролировать свой порок. Разозлите его, и когда он выйдет из себя, то явит свою истинную сущность.

Бранимир издал громкий, презрительный смешок.

– На заседаниях Совета он выходит из себя по любому поводу.

– Тогда я не понимаю, чего вы хотите от меня.

– Но он нездоров! – почти прокричал Бранимир. Лицо его побагровело, а вздёрнутые усы затрепетали. – Его рассудок помутился!

– Даже если и так, к Проклятью это не имеет никакого отношения.

– Послушайте меня!

Бранимир шагнул к нему, вставая лицом к лицу. Он возвышался над Мореном почти на целую голову, хотя тот не был низким. Но Морену хватило одного лишь холодного взгляда, чтобы дворянин взял свою ярость под контроль. Видимо, Бранимир вспомнил, с кем говорит и на что способен Скиталец, ибо немедленно стушевался и повторил уже тише:

– Послушайте меня. Он заставляет своих людей охотиться на проклятых в лесах. А потом пойманную дичь подавать к столу, точно это какой-то кабан!

– Вашим охотникам хоть раз удалось поймать проклятого?

– Нет, – стушевался Бранимир. – Они даже не пытаются! Медис слеп, поэтому они приносят ему обыкновенных зверей, а кухарка подаёт их к столу. Никто в здравом уме не стал бы есть... их.

– То есть вы обманываете его? – Морен услышал главное, стараясь игнорировать то, с каким отвращением прозвучало «их» из уст дворянина.

– А что ещё нам остаётся?

– Медис сказал, что люди голодают. Насколько это правда?

– Здесь он не соврал, – с неохотой признался Бранимир. – Проклятые пугают дичь и убивают скот. Про людей я уже молчу. Сначала Медис объявил награду за их истребление, пообещал горсть золота тому, кто убьёт хоть одного. Но, как я уже говорил, охотники боятся идти на них. Люди убивали своих коров и лошадей, кто победнее – пойманных в лесу оленей, и приносили их Медису, чтобы получить награду. Однажды он приказал подать к столу один из таких трофеев, сказал, что хочет попробовать его. Кухарка не посмела послушаться. Тогда-то всё и началось.

– Полагаю, с каждого такого зверя вы получали монету себе в карман? Тогда выходит, вы сами повинны в своих бедах.

Бранимир побагровел пуще прежнего, а усы его задрожали. Видя его состояние, Морен поспешил сменить тему, тем более что один вопрос никак не давал ему покоя:

– Лучше расскажите мне, кто такая Мальва.

– Её дочь. Она умерла от оспы больше десяти лет назад. Медис не смог смириться с утратой и верит, что она всё ещё жива.

– И вы этому способствуете? – Морен был в ужасе и не скрывал этого. – На пиру никто и рта не открыл.

– А что нам остаётся? – повторял, как заклинание, Бранимир. – Он ведь царь, с царём спорить бесполезно! С Медисом уж точно. Он ведь ослеп не сразу и, когда умерла Мальва, ещё видел, пускай и совсем плохо. В первые дни, когда ему только сообщили о смерти дочери, он не находил себе места от горя. Показывал то на одну, то на другую служанку и кричал: «Но Мальва вот она, она жива! Зачем вы обманываете меня?» Это было невыносимо... Всем стало легче, когда он успокоился. И никто не посмел ему возразить, когда однажды утром, спустя несколько месяцев, он вдруг приказал выделить за столом два места, которые обязаны были оставаться пустыми. Слуги пожалели его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.